

A black and white close-up portrait of a man with curly hair and a mustache, looking down with a somber expression. The image is partially obscured by text on the left and bottom.

Под следствие,
как под дождь,
сейчас может попасть
любой бизнесмен.
Я провел 9 месяцев в СИЗО,
вышел и добился
оправдательного
решения.
Каким образом?
Об этом моя книга

Александр Хуруджи

ПЛАНЫ

ИЗМЕНИЛИСЬ

Александр Хуруджи

Планы изменились

«Издательские решения»

Хуруджи А.

Планы изменились / А. Хуруджи — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904940-7

Успешный бизнесмен Александр Хуруджи провел в СИЗО по сфабрикованному делу 9 месяцев. После вмешательства Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей Бориса Титова его отпустили под залог. Судом полностью оправдан. Это был первый в России оправдательный приговор в отношении предпринимателей за последние 7 лет. Сегодня Александр Хуруджи — общественный уполномоченный по защите прав предпринимателей, находящихся под стражей, и помог выйти на свободу 45 предпринимателям.

ISBN 978-5-44-904940-7

© Хуруджи А.
© Издательские решения

Содержание

Задержание в аэропорту	6
Неудобный	8
Вредные иллюзии	11
Виноватые без вины	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Планы изменились

Александр Хуруджи

Основано на реальных событиях. Имена всех второстепенных героев изменены.

Литературный редактор Ольга Соломатина

Корректор Татьяна Кришталовская

Дизайнер обложки Андрей Ирбит

Фотограф Тарас Базилюк

Продюсер проекта Ринат Якупов

Корректор Александр Садовников

© Александр Хуруджи, 2018

© Андрей Ирбит, дизайн обложки, 2018

© Тарас Базилюк, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4490-4940-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Когда ко мне пришла беда, я понял, насколько важны и ценны настоящие близкие люди, которые остаются с тобой, поддерживают и любят. Я благодарю Бориса Титова, своих родителей, жену, брата Сергея, Дмитрия Григориади, Сергея Конопского и каждого, кто поддерживал меня все трудные месяцы. Отдельное спасибо – журналистам. Когда активные люди объединяются вместе, мы – сила.

Задержание в аэропорту

Вместе с другими пассажирами рейса Москва – Ростов выхожу из самолета, сажусь в автобус. Ужасно болит голова, давление, чувствую, зашкаливает. Декабрь, снег, темень. Скорее бы в номер, скорей бы уже заснуть. Нас долго катают по полю, и я еще думаю: «Везут не туда». А когда на выходе два полицейских требуют у каждого паспорт, хотя рейс внутренний, международный и досмотра быть не может, сразу чувствую: что-то не так. Это за мной. Подхожу к ним сам.

– Вы не меня ищете?

Отдаю паспорт.

– А, точно вас, пойдете

Мне даже становится легче на душе. Думаю: пусть уже разберутся. Я глубоко верю: если ты прав, если ничего не нарушал, ничего плохого случиться просто не может. Поэтому я не прячусь, не бегу из страны, как советовали.

За пять дней до задержания

Четвертые сутки веду семинары в «Федеральной Электросетевой Монополии» для губернаторов, для министров, делюсь опытом, приобретенным за время работы в Агентстве стратегических инициатив. Ежедневно выезжаю в семь утра, начинаем в девять, и до шести вечера мой телефон выключен: семинар, ответы на вопросы, нон-стоп.

Звонил ли мне в те часы кто-то с предупреждением?

Бессонница четвертые сутки. Не могу спать от перегрузок.

На 4 декабря запланирована встреча с предпринимателями. Перенести не могу, моя помощница много раз уже это проделывала. Я должен лететь на встречу к бизнесменам-строителям. Один из участников круглого стола, к слову, сейчас задержан. Под следствием.

В день задержания

Катастрофически опаздываю на рейс. Мчим по новой платной трассе к Шереметьево. За стеклом мелькает сырая и серая московская зима. Сумерки.

– Сан Саныч, может быть, не полетите? Или поедем машиной? – предлагает водитель.

Риск опоздать на самолет велик, а в автомобильном салоне по дороге ждет новый автомобиль, который я еще не успел забрать. На минуту задумываюсь. Запах нового салона в уникальной комплектации, надежная тяжесть двери автомобиля. Почти чувствую, как сажусь в кресло и засыпаю от плавности хода.

Эти минуты я потом буду вспоминать много раз. Если бы согласился ехать на автомобиле? Тогда меня успели бы предупредить?

Но я мечтаю поспать в самолете и быстрее добраться до Ростова, чтобы растянуться в полный рост в постели, а не коротать ночь на заднем сиденье автомобиля. Провожая глазами салон, где ждет новая машина, заруливаем к терминалу.

Чудом успеваю к последнему звонку, и только потому, что меня тут все знают, узнают и даже здороваются сотрудники авиакомпании – я летаю из Москвы домой и по стране очень часто.

Успел. Отлично. А теперь спать.

Но выспаться не получается: встречаю в самолете приятеля. Голова от давления болит невыносимо, я понимаю, что все равно не смогу заснуть, и коротаю полет за разговорами. Сели.

Уже у трапа, когда мы выходим из самолета, вижу одноклассника. Он смотрит на меня в упор, но не узнает. Я и сам как в тумане – зашкаливает давление. Садимся в автобус.

Куда нас везут по полю?

Неудобный

За год до задержания

Акционерное общество «Энергия», в котором я основной акционер, вдруг превращается в предприятие, с которым борется крупная госкорпорация. Я рискнул побороться в правовом поле с естественной монополией, защитить интересы своего предприятия. Настаиваю на соблюдении договоренностей, и меня решили раздавить.

За 14 месяцев до задержания

Я узнал, что в коридорах власти готовится закон, который уничтожит мой основной бизнес-актив. Дело семи лет жизни, семейное предприятие фактически экспроприируют.

Закон лоббирует госструктура под названием «Федеральная Электросетевая Монополия» – головная компания всех РЭМ (Региональная Электросетевая Монополия), которая говорит, что небольшие энергетические предприятия больше не нужны, давайте-ка мы запустим процесс консолидации. То есть процесс, который коммунисты называли «экспроприацией», в наше время называли благозвучным словом «консолидация», суть же осталась прежней. А для того, чтобы экспроприация-консолидация произошла успешно, оставалось придумать правило, которое подтолкнет всех участников рынка быстро бежать и сдаваться по очереди. А «Федеральная Электросетевая Монополия» будет вальяжно ждать, когда к ним придут, и изучать, кому какие предложения выдвинуть за решение вопросов: «Ваши сети мы готовы купить за 100 рублей. А ваши вообще не готовы покупать».

Когда я вижу, как разрабатывается этот законопроект и к чему он ведет, серьезно напрягаюсь. Понимаю: нужно докупать оборудование, чтобы соответствовать выдвинутому «Федеральной Электросетевой Монополией» требованиям. Мне было очевидно, что законопроект примут стремительно. Нужно было готовиться. Срочно.

Я решаю: если действовать по их же законопроекту, если соблюдать новые правила, все обойдется. Справлюсь – спасу предприятие от разорения.

Фактически я занялся стратегическим планированием спасения своего бизнеса и поручил совету директоров, генеральному директору найти оборудование, которое может увеличить количество энергооборудования нашего предприятия до уровня соответствующего новым требованиям. Согласно нашим расчетам, это сохранило бы за нами статус территориальной сетевой организации, мы смогли бы и дальше работать. Мы должны были найти оборудование. Другого спасательного круга не было.

Мы переворачиваем весь рынок – ничего. Переговорили со всеми, кто мог помочь, – безрезультатно... Нервозность растет.

И вот однажды раздается телефонный звонок, и я замираю с ощущением, что вытащил счастливый билет. Вы верите в счастливую судьбу? Мне позвонили из «Федеральной Электросетевой Монополии». К этому моменту из конкурентов они превратились в наших партнеров. Мы поняли, что у нас больше точек соприкосновения, чем точек расхождения. Через несколько лет после создания некоммерческого партнерства территориальных сетевых организаций (НП ТСО) «Федеральная Электросетевая Монополия» стала одним из его активных участников. Туда входила и «РЭМ Юг». Мы достаточно нормально общались.

И в тот день мне звонят, чтобы познакомить с продавцом спасительного необходимого мне оборудования, и говорят:

– Покупай. Тебе оно действительно нужно.

Прямо спрашиваю:

– «РЭМ Юга» будет платить по новым объемам передачи электроэнергии с использованием купленного оборудования?

– Да, будут платить.

Был ли я рад? Да я был счастлив! Я без задней мысли купил оборудование, все согласовал. Выдохнул спокойно.

А через несколько месяцев после оформления покупки я узнаю, что в «РЭМ Юга» поменялся директор... Меня это серьезно насторожило. Предчувствие не обмануло: еще до его официального вступления в должность нам остановили все платежи, а затем Борис Авазов решил открыто с нами бороться.

Я ничего тогда не понимал. Свято верил, что, если выполняю распоряжения системы, она, в свою очередь, поддержит меня, и выполнил свою часть сделки – энергию будут исправно покупать. Что же пошло не так? Разве мы допустили ошибку? Остановка платежей – недоразумение?

Меня поразило, что до назначения новый директор никогда не работал в сфере энергетики, и вдруг его поставили руководить предприятием, у которого семнадцатитысячный коллектив и филиалы по всему Югу России, в том числе в Волгоградской, Астраханской областях. И этот «энергетик-управленец» пришел на предприятие и первым делом решил остановить нам всю работу. Однако я надеялся, что мы поймем друг друга, когда я смогу поделиться с ним большей информацией. Мы ведь сделали так, чтобы предприятие соответствовало требованиям нового постановления, и теперь очередь была за государством выполнять обязательства – продолжать исправно платить по тарифам. Я верю в справедливость... Ох как это опасно – быть идеалистом и верить в справедливость...

Меня быстро предупреждают: у моих противников серьезный административный ресурс, и они не намерены со мной сотрудничать. «Федеральная Электросетевая Монополия» становится моим личным врагом.

И законы против них не работают, предупреждают меня. Более того, у них в штате «прикрепленные сотрудники» – это фактически домашний милиционер, который сидит прямо у тебя на предприятии и обладает всеми полномочиями представителя власти, но работает на тебя. Бороться с обладателями такого ресурса – то же самое, что приехать безоружным на переговоры, зная, что у той стороны всегда при себе пистолет. «Прикрепленный сотрудник» располагает доступом к базам данных, в любой момент может зайти в кабинет к сотрудникам Федеральной службы безопасности региона и в подобные организации – это широкий круг полномочий и возможностей. Такие сотрудники есть только в крупных госкомпаниях. И у «Федеральной Электросетевой Монополии» тоже.

Но я ведь не сделал ничего вне рамок закона, думаю. Только хочу, чтобы предприятие продолжало работать, чтобы люди сохранили места и получали зарплаты, чтобы бизнес развивался дальше и приносил доход мне и другим акционерам.

Я надеюсь на улучшение ситуации, хотя предпосылок в общем-то не наблюдается.

Помню, как снова позвонят из «Федеральной Электросетевой Монополии». На этот раз в панике:

– Срочно приезжай! Тут такое творится!

Приехал. Выяснилось, что назначенный Борис Авазов – сын бывшего руководителя одной из кавказских республик, который, по всей видимости, купил сыну должность. По-дру-

гому не скажешь, потому что у него не было никакого опыта работы в сфере энергетики. Под умелым руководством нового директора компания обрстет долгами, на конец 2017 года – более 30 миллиардов. Когда Борис пришел, размер долга составлял 4 миллиарда. Видимо, за «эффективное» управление ему в 2017 году продлят рабочий контракт... Но так рассуждает идеалист, который верит в справедливость и логику причинно-следственных связей. Так думать, если сталкиваешься с системой, опасно.

Смотрю на панику в глазах советчиков, слушаю угрозы, но думаю: закон на моей стороне, почему я должен отступать и бояться? Просто нужно действовать в правовом поле и идти в суд.

Я взвешиваю риски, советуюсь. Партнеры в «Федеральной Электросетевой Монополии» говорят: «Мы не можем влиять на ваши взаимоотношения с этой организацией, с этим новым человеком, которого назначили. Да, он, может быть, и неправ, но идите в суд. Если суд решит, что ты прав, то мы заплатим, и все будет нормально». И я иду. Иду и выигрываю все суды.

Вредные иллюзии

В день задержания

С виду бодро, но словно во сне я шагаю по залу прилета аэропорта в сопровождении полицейских в штатском. Иду и думаю: я предприниматель, криминальными делами никогда не занимался, предприятие у меня белое, зарплаты, извините, белые, что большая редкость в 2015 году, суд поддержал мои требования – мое предприятие выиграло каждый суд! Что мне можно предъявить? Да ничего!

Я уверен: если я ничего не нарушал, то и бояться мне нечего. Меня правда запутывает двойная игра... Казалось бы, выиграли все суды... Но вместо денег получили ад. Вместо выплат – угрозы.

Месяцами мне постоянно передают, что за мной придут, что меня арестуют. И вот за мной пришли.

Я к этому даже морально готов. Так надоело чувство непредсказуемости, нужна развязка – хоть какая-то. Высокое напряжение не может продолжаться вечно. **Невозможно, когда все пытаются развести, дают телефоны полезных людей.** Начальник службы безопасности говорит одно, адвокаты – другое. Работая в Агентстве стратегических инициатив на государство, я представляю интересы страны. И в то же время с моим собственным предприятием происходит полный беспредел. Ты рассказываешь о нем в серьезных кабинетах, все кивают головами: «Что же это за бардак такой?! Что за беспредел? Сан Саныч, мы с тобой. Мы поставим на контроль. Мы разберемся».

И? И ничего. Ничего хорошего не происходит. Не удастся им «разобраться».

Мы судимся и выигрываем. Вынужденно требуем денежные средства через службу судебных приставов. Мне открыто угрожают уголовным преследованием. **Постоянные советы полушепотом: тебе нужно валить, а перед этим продать бизнес определенным людям.**

Все сводится к тому, что предприятие со мной им не нужно – у товарищей сверху совершенно другие планы: работай за откат по понятным, установленным в отрасли правилам. Нюанс в том, что размер желаемого ими отката предприятие в принципе не может себе позволить отдать и при этом выжить. Большое количество денег на предприятие приходило в виде выручки. А дальше шли транзиты. Часть денег я должен был отдавать сетевой компании. А товарищи хотели откат с оборотных денег, а не прибыли. Это разные вещи. И разный порядок цифр. Но никакой сверхприбыли, как могло показаться со стороны некомпетентным управленцам, когда посмотришь на гигантскую выручку и большие активы, у нас на предприятии не было.

Я сопротивляюсь давлению месяцами. Обострились все болезни. Редко сплю. Угрожают, возбудили дело против генерального директора предприятия, идут обыски. Мы больше года отбиваемся.

Когда вижу в руках полицейских документ, подписанный следователем, я, конечно, испытываю не только облегчение, но и тревогу – начинаются активные действия, сбываются самые беспредельные прогнозы. Но задерживают меня как свидетеля, якобы за неявку в суд для дачи показаний в рамках гражданского дела о взыскании с ОАО «РЭМ Юга» более 135 млн рублей, которые мое предприятие должно было получить согласно решениям арбитражных судов. Я

как никто заинтересован как можно скорее решить этот вопрос и даже рад, что и государство обратило на него внимание. Поэтому я взбудоражен и в то же время воодушевлен встречей с полицейскими.

А вот высокое давление держится, и голова по-прежнему адски раскалывается.

Мы идем по аэропорту к выходу, вижу брата, который приехал меня встречать. Сергей сбоку, недалеко, мы проходим с полицейскими рядом, и я передаю брату большое количество документов. Подыгрываю:

– О, как раз знакомый! Родителям передай...

Полицейские реагируют вяло. Это потом, уже на допросе, пойму, что ребятам не сказали, зачем их за мной посылают. Сергей – человек хладнокровный и разумный, он и виду не подает, что что-то идет не так.

Дурной сон продолжается. Звоню адвокату.

– Уже глубокая ночь... Куда я сейчас? Утром приеду...

– Какое утро?!

Но адвокат мнется. Давление еще идет вверх. Полицейские не торопят, не мешают говорить, мы уже на парковке. Холодно, темно. Сажусь в машину оперативников, и, когда дверца с лязгом захлопывается, оптимизм меня оставляет. Звоню «полезным контактам», но никто трубки не поднимает. Даже безопасник! Даже по телефонам на случай «ядерной войны». Тишина.

И тогда я начинаю удалять из телефона все подряд: сообщения, переписку, контакты, СМС жены. Уже знаю, что любую информацию попытаются использовать против меня, сфабриковать факты.

Смотрю на часы и понимаю: время задержания выбрано идеально – после 23:00 трубки никто не снимает. Зачем меня везут прямо сейчас, ночью?

Эх. Но скорее бы уже все закончилось, чтобы закрыть глаза и наконец уснуть.

Жаль, дорога от аэропорта до полиции ночью короткая – успеваю удалить из телефона мало информации. Как в абсурдном сне, отделение полиции теперь занимает здание юридического института, в котором я учился сразу после школы. Я поднимаюсь по лестнице и вспоминаю: слева за стеной на этом этаже был деканат. А вот здесь – библиотека. Пусть ее даже нарежали на узкие помещения, я все равно чувствую запах книг, чувствую себя в знакомом месте.

Моя специализация в институте – гражданское право. Хотя я писал два диплома. Одна работа была посвящена свободным экономическим зонам и проблемам вывода капитала за рубеж. Вторая тема – обоснование смертной казни. Я изучал громкие процессы: дело Чикатило, Кравченко. Я пытался понять, насколько велик был на тот момент процент судебных ошибок. Ирония судьбы, да... Изучив архивы, увидел, что в большинстве случаев в расследовании таких страшных историй все-таки редко происходят ошибки.

Для себя же я искал ответ на вопрос, можно ли исправить серийного убийцу, если наблюдаются такие серьезные отклонения от нормы. Даже сейчас отвечаю то же самое, что и много лет назад. Решайте сами.

Когда искали Чикатило (он обвинен в 53 убийствах), раскрыли очень много других дел. По этому же делу, за эти же преступления – семь убийств – был осужден и расстрелян некий господин Кравченко. По нему выносил решение судья Постановов, как сейчас помню. Помню, потому что адвокатом я представлял на уголовном процессе интересы семьи Эдуарда Уяса, который был убит в середине 90-х. Я видел киллеров, которые его убили, исследовал материалы дела. И выносил решение тот же судья Постановов, который вынес смертный приговор Кравченко.

Есть вероятность, что имела место судебная ошибка, но я изучал материалы и пришел к выводу, что на месте судьи вынес бы аналогичное решение. В деле Кравченко три доказанных убийства, а еще четыре, вероятно, совершил Чикатило. Но Кравченко уже сидел за жестокое изнасилование и убийство, в первый раз избежал расстрела только потому, что не достиг совершеннолетия.

Должны ли другие люди оплачивать из налогов содержание серийных насильников, серийных убийц? Когда я поднимался по ступенькам бывшего юридического института, отделения полиции в ту ночь и вспомнил тему диплома, эмоционально я на тот момент считал, что общество не должно содержать жестоких серийных преступников. Я тогда верил, что судебная ошибка – по-прежнему редкость.

Потом встречи с людьми, которых обвинили в убийствах, когда они в принципе не могли быть на месте преступления, пошатнули мою уверенность и дали новую пищу для размышлений, но это будет потом, а сейчас – иду в неизвестность.

Виноватые без вины

Вот человек гуляет по парку в центре Ростова с собакой. Это его многолетняя привычка и обычный маршрут. Но в этот раз собака бежит на одном месте и лает. Он подходит – рука торчит... Вызвал полицию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.